

УДК 811.161.1

DOI 10.52452/19931778_2022_2_177

ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ КОНСТРУКЦИЙ С *БЫВАЛО* В ПРОЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

© 2022 г.

Е.Н. Широкова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

shirokelena@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.03.2022

С помощью методов сопоставительно-стилистического и контекстуального анализа описываются текстовые функции конструкций с *бывало* в прозаических произведениях И.С. Тургенева. Показывается, что семантика частицы и ее синтаксическая роль определяют функции анализируемых конструкций (субъективизация повествования, репрезентация субъективного времени, организация разговорных монологов). Доказывается, что взаимодействие в рамках одного произведения конструкций, включающих *бывало* в сочетании с глагольными формами прошедшего времени и формами глаголов настоящего или будущего времени, является значимым и обусловлено нарративными стратегиями автора. Отмечается, что анализируемые конструкции участвуют в оформлении нарративов первичного нарратора и нарратора-персонажа, временных планов повествования, текстовых фрагментов с разной авторской модальностью.

Ключевые слова: частица *бывало*, формы времени глагола, текстовые функции, нарратор, художественное время, И.С. Тургенев.

Нарративные стратегии И.С. Тургенева нацелены на субъективизацию повествования, что соответствует тенденциям развития художественной литературы, в которой «к XIX в. настоятельно осознается потребность увидеть мир глазами «другого» (героя, потенциального читателя), выбирать различные «точки зрения», возможные ракурсы восприятия» [1, с. 196]. Так, в прозе писателя нередко взаимодействуют первичный нарратор – повествователь «обрамляющей истории», вторичный нарратор – повествователь «вставной истории», третичный нарратор – «повествователь-персонаж» [2, с. 80–81], произносящий развернутые монологи. Одним из тактических средств реализации данной стратегии повествования в произведениях И.С. Тургенева являются конструкции с частицей *бывало*.

Бывало относится к разряду частиц, характеризующих «признак (действие или состояние) по его протеканию во времени», и обозначает «нерегулярную повторяемость» в прошлом в сочетании с модальным «элементом значения припоминания» [3, с. 727–728]. Данное значение дополняется стилистической разговорной окраской [4, с. 845]. С морфологической точки зрения *бывало* рассматривается «в ряду так называемых «вторичных модификаторов», достаточно тесно присоединяющихся «снаружи» к полностью оформленной словоформе финитного глагола. Эти модификаторы отделимы и переместимы» [5, с. 257]. По мнению А.В. Бон-

дарко, конструкции *бывало* + *прошедшее несовершенное* и *бывало* + *настоящее-будущее совершенное* – это особые аналитические конструкции, примыкающие к временной парадигме глагола [6, с. 265]. При этом в конструкциях с *бывало* «выражается спорадическая итеративная повторяемость эпизодов, которая прекратилась задолго до момента речи» [7, с. 149]. Частица *бывало* сочетается с глаголами всех трех времен, причем «особо характерна для нее сочетаемость с презенсом совершенного вида в хабикулярном значении (*пойдешь¹ бывало...*)» [5, с. 276]. Однако, как показывают исследования, в последние десятилетия уменьшается частотность конструкций, в которых *бывало* сочетается с формами глагола будущего времени, а также снижается степень грамматикализации *бывало* [8]. С синтаксической точки зрения *бывало* относится к разряду вводных слов, указывающих на «степень обычности того, о чем говорится» [9, с. 89]. Поскольку для *бывало* «характерна широкая сфера действия, охватывающая несколько предикаций», на уровне текста данную частицу можно рассматривать как «показатель связности дискурса» [8, с. 181–182].

Целью нашей статьи является описание текстовых функций конструкций с *бывало* в произведениях И.С. Тургенева. Материалом исследования послужили прозаические произведения писателя 1844–1874 гг., из которых методом сплошной выборки было извлечено 83 контекста с *бывало*. Описание языкового материала

осуществлялось с помощью методов сопоставительно-стилистического и контекстуального анализа.

Семантика частицы *бывало*, ее субъективно-модальное значение и разговорная окраска, а также синтаксическая роль определяют основные текстовые функции конструкций с *бывало*. Так, оценка событий как обычных, повторяющихся соотносится со сферой знания повествователя, предполагает обобщение его опыта, и с этой точки зрения частица *бывало* является средством субъективизации повествования. Причем мы солидарны с Н.В. Патроевой в том, что актуализированной позицией для нейтральных конструкций с субъективно-модальными словами оказывается позиция начала предложения. Находясь в такой позиции, вводные слова «распространяют свое субъективно-модальное значение, как правило, на все предложение» [1, с. 186]: *Бывало, возле печки, в страшной духоте тесной передней, насквозь пропитанной кислым запахом старого кваса, сидит небритый мой дядька Василий, /.../ сидит и играет в свои козыри с кучером Потапом /.../ – а Рикман за перегородкой поет* (Дневник лишнего человека²).

Наряду с этим конструкции с *бывало* участвуют в организации художественного времени. Благодаря семантике припоминания, они являются одним из средств изменения временной перспективы повествования, так как всегда соотносят два временных плана: момент рассказа о прошлом и сами события прошлого, о которых вспоминает повествователь. Причем при сочетании *бывало* с транспонированными глагольными формами происходит «ментальная синхронизация действия (состояния) и воспоминания о нем» [11, с. 253]. Кроме того, семантика припоминания может актуализироваться словами из тематической группы «память» и темпоральными показателями, репрезентирующими план настоящего или прошлого: *Бывало, вся губерния съезжалась у него, плясала и веселилась на славу /.../ и, вероятно, не одна старушка, проезжая теперь мимо запустелых боярских палат, вздохнет и вспомнет минувшие времена и минувшую молодость* (Малиновая вода). В повествовании от 1-го лица, а также в контекстах с обобщенно-личным значением конструкции с частицей *бывало* участвуют в изображении событий, эмоций, поступков, которые заполняют время жизни нарратора, и, следовательно, являются средством организации субъективного времени: *Бывало, задумается да и сидит по часам, на пол глядит, бровью не шевельнет; и я тоже сижу и на нее смотрю, да насмотреться не могу, словно никогда не видал* (Петр Петрович Каратаев); *Си-*

дишь себе, бывало, целый божий день в каком-нибудь ложементе, под палаткой, на грязи или соломе, да играешь в карты с утра до вечера. Разве от скуки пойдешь посмотреть, как летают бомбы или каленые ядра. Сначала французы нас тешили вылазками, да скоро притихли (Жид).

Наряду с этим в рамках сюжетного времени «изображение повторяющихся, многократных ситуаций расширяет представление о прошедшем, “растягивает” время» [12, с. 277]: *Подойдет, бывало, своей ленивой походкой к роялю, сядет, спустит бурнус с плеч на локти (я не видал ее без бурнуса), заиграет громко одну польку, не кончит, начнет другую, потом вдруг вздохнет, встанет и отправится опять к окну* (Яков Пасынков); *Жена нисколько его не стесняла; напротив, он иногда о ней забывал вовсе и по целым утрам не говорил с ней ни слова, хотя с удовольствием и нежностью глядел ей в лицо и всякий раз, бывало, когда она своей легкой поступью проходила мимо его, ловил и целовал ее руку, что непременно вызывало улыбку на ее губы* (Два приятеля). Семантика повторяемости таких конструкций в произведениях И.С. Тургенева актуализируется итеративными обстоятельством³ – цикличности, узуальности, многократности, комплексными кратно-циклическими, например: *С утра до вечера, бывало, только и думаю: чем бы мне ее порадовать?* (Петр Петрович Каратаев); *Каждый день, бывало, новую затею придумывал: то из лопуха суп варил, то лошадям хвосты стриг на картузы дворовым людям /.../* (Чертопханов и Недоплюскин); *Авдотья действительно не слишком высоко ценила Акимова красноречие и, бывало, по вечерам, когда он принимался рассуждать с проезжими или пускался в рассказы, зевала тихомолком или уходила* (Постоялый двор).

Таковую же функцию выполняют глаголы многократного действия: «Глагол многократный обнимает больший период времени, чем глагол отвлеченно-длительный, подобно тому как вообще в воспоминании время, заполненное большим количеством впечатлений, кажется нам продолжительнее времени, менее обильного впечатлениями, хотя бы объективно первое и второе время были равны. Очевидно, длительность глагола измеряется не объективно в строгом смысле слова, а, так сказать, народно-субъективно, то есть мерою, данную самим языком, степенью глаголов, принятой за единицу» [14, с. 92–93]. Сочетание *бывало* с глаголами многократного действия было характерно для 18 в., так как в этот период частица *бывало* не всегда имела итеративное значение [5, с. 276]. В 19 в. такие сочетания не частотны, и в произведе-

дениях И.С. Тургенева встречаются очень редко, несмотря на то, что глаголы многократного действия активно употребляются писателем. Так, в анализируемых произведениях нам встретился единичный пример такой сочетаемости: *Он, бывало, все посиживал на лавочке под единственным окошком флигеля* (Три встречи). Так как описываемые в художественной речи повторяющиеся ситуации представляются как типичные, конструкции с *бывало* выполняют и функцию обобщения [11, с. 247–248]: *Он принадлежал к числу молодых людей, которые, бывало, на всяком экзамене «играли столбняка», то есть не отвечали ни слова на вопросы профессора* (Гамлет Щигровского уезда).

В нарративах И.С. Тургенева *бывало* нередко выступает как средство имитации разговорной речи. Причем в речи нарратора-персонажа значимой оказывается не только стилистическая окраска частицы, но и ее повторы: в развернутом разговорном монологе повтор *бывало* маркирует спонтанность и прерывистость разговорной речи, выступает как заполнитель пауз. В таких контекстах *бывало* функционирует как дискурсивная единица, сигнализирующая о когнитивно-дискурсивных сбоях, обусловленных условиями устной коммуникации: *Не даешь времени лекарству как следует подействовать ...то за то хватишься, то за то. Возьмешь, бывало, рецептурную книгу...ведь тут оно, думаешь, тут! /.../ К довершению несчастья, такая подошла распутица, что за лекарством по целым дням, бывало, кучер ездит. /.../ И Александра Андреевна ко мне привязалась: никого, бывало, к себе в комнату, кроме меня, не пускает. /.../ Схватчу, бывало, себя за голову: «Что ты делаешь, разбойник?..»* (Уездный лекарь). Как свидетельствуют приведенные примеры, в таких контекстах *бывало* взаимодействует с другими языковыми единицами, имеющими разговорную окраску, – синтаксическими конструкциями, частицами, лексикой, глагольными формами в переносном употреблении, а также с просторечными элементами. Приведем контексты с транспозицией глагольной формы (1) и с просторечными формами слова (2): (1) *Бывало, что она ему ни скомандуй, он тотчас и повинуется* (Петушков); (2) *Бывало, пойдет-от Вася с нами, с ребятами, летом в речку купаться, – она так вся и встрепетается* (Бежин луг).

В произведениях И.С. Тургенева сочетаемость *бывало* с временными формами финитных глаголов соответствует общим тенденциям сочетаемости *бывало* в 19 в.⁴: из 83 употреблений *бывало* сочетается с формами глагола будущего времени совершенного вида 38 раз, с формами настоящего времени – 21 раз, с фор-

мами прошедшего времени несовершенного вида – 24 раза. Включенные в контекст повествования о прошлом, такие конструкции участвуют в создании подвижной точки отсчета, которую устанавливает повествователь.

И.С. Тургенев в рамках одного произведения наряду с конструкциями, включающими *бывало* в сочетании с формами прошедшего времени, как правило, использует конструкции, состоящие из *бывало* и форм глагола настоящего или будущего времени. Поскольку в предложении *бывало* представляет собой минимальный контекст, который обуславливает транспозицию глагольных форм настоящего и будущего времени, приобретающих значение ‘настоящего исторического повторяющегося и обычного действия’ [15, с. 52–53], то такие конструкции в произведениях И.С. Тургенева выполняют функции, в целом свойственные конструкциям с настоящим историческим в художественной речи и достаточно подробно описанные в научной литературе. Мы же постараемся ответить на вопрос, чем еще может быть обусловлено использование конструкций с *бывало* в сочетании с разными формами времени глагола в рамках одного произведения.

В рассказе «Три встречи» конструкции с разными временными формами маркируют повествовательные планы разных нарраторов. Так, в речи первичного нарратора используются конструкции с прошедшим временем: *Никуда я, бывало, не ездил так часто на охоту в течение лета, как в село Глинное, лежащее в двадцати верстах от моей деревни. /.../ Он, бывало, все посиживал на лавочке под единственным окошком флигеля, с горестною задумчивостью поглядывая вдаль, а увидав меня, приподнимался немного и кланялся с той медлительной важностью, которой отличаются старые дворовые, принадлежащие к поколению не отцов наших, а дедов.* В речи персонажа-повествователя представлены конструкции с будущим временем: *Закряхтит, закричит, бывало. Скучно, дескать, мне. Ну, да уж лета его какие были. В последнее время он точно что-то задумываться начал. Придет, бывало, к нам в деревню; я-то ему племянником довожусь: «Что, брат Вася, скажет, приди-ка, брат, переночуй-ка у меня!» /.../ Ну и пойдешь к нему. Бывало, выйдет на двор, посмотрит, посмотрит этак на дом, закачает, закачает головой, да как вздохнет...*

В рассказе «Малиновая вода» наблюдается такое же разграничение: в речи первичного нарратора используются конструкции с прошедшим временем (2 раза), в речи нарратора-персонажа – с настоящим и будущим (4 раза). Однако начинается монолог нарратора-персонажа с кон-

струкции, в которой *бывало* сочетается с глаголом прошедшего времени. Это можно объяснить действием механизма уподобления репрезентаций собеседников, характерным для диалогической речи: монолог персонажа является ответом на вопрос, при этом в ответной реплике происходит уподобление формы времени глагола-сказуемого форме времени глагола в реплике-вопросе. По мере развертывания монолога осуществляется переход к плану настоящего исторического. Причем в нарратив с *бывало* включаются предложения, выполняющие качественно-характеризующую функцию и имеющие значение прошедшего синтаксического времени:

– *А что, говорят, граф-таки пожил на своем веку?* – спросил я.

Старик поплевал на червяка и закинул удочку.

– *Вельможественный был человек, известно-с. К нему, бывало, первые, можно сказать, особы из Петербурга заезжали. В голубых лентах, бывало, сидят за столом и кушают. Ну, да уж и угощать был мастер. Призовет, бывало, меня /.../.*

Кроме того, такие нарративы могут различаться степенью вовлеченности объекта изображения в субъектные сферы нарраторов, эмоционально-оценочным отношением последних. Например, в рассказах «Три встречи», «Малиновая вода» персонажи, о которых вспоминают нарраторы, являются посторонними для первичных нарраторов, однако входят в жизненное пространство нарраторов-персонажей. И именно в нарративах последних используются конструкции с *бывало* в сочетании с формами настоящего и будущего времени, тогда как в речи первичных нарраторов – конструкции с прошедшим временем. Таким образом, анализируемые конструкции маркируют степень эмоциональной вовлеченности нарраторов в изображаемый мир.

Наряду с этим значимой может быть смена субъектной перспективы при повествовании об одном и том же субъекте. Так, в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» в речи нарратора вставной истории используются конструкции с *бывало* в сочетании с формами глагола прошедшего времени, при этом повествование ведется от 1-го лица: *Мимо его меня, бывало, сечь водили; и матушка моя мне в таких случаях всегда на него показывала, приговаривая: он бы тебя еще не так; И я сам, бывало, нарочно поддакивал из угла какому-нибудь глупейшему говоруну /.../.* При переходе к 2-му лицу с обобщающей семантикой используются глаголы будущего времени: *Не в состоянии я описать вам, милостивый государь, как скоро, как*

страшно скоро прошло это время; даже грустно и досадно вспомнить. Встанешь, бывало, поутру, и словно с горы на салазках покатишься... Смотришь, уж и примчался к концу; вот уж и вечер /.../.

Кроме того, интенции автора, ведущий мотив повествовательного фрагмента, нарративные стратегии, определяющие особенности композиции и обуславливающие чередование сюжетного и внесюжетного времени, а также наличие ретроспекций могут оказывать влияние на выбор глагольных форм в конструкциях с *бывало*. Например, в рассказе «Смерть» повествование об умершем студенте Авенире Сорокумове распадается на две части. Первая часть имеет ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску. Так, персонаж, о котором вспоминает нарратор, обозначается формой 2-го лица, повествование имеет форму личного обращения-прощания, в котором рассказывается о жизни умершего, при этом актуализируется мотив прощания, поэтому *бывало* сочетается с формами прошедшего времени: *Жил ты у великороссийского помещика Гура Крупяникова, учил его детей /.../, без ропота исполнял прихотливые требования скужающей барыни; зато, бывало, как ты отдыхал, как ты блаженствовал вечером /.../.* Вторая часть повествования выдержана в более спокойной тональности, включает в себя сюжетное время – повествует о последней встрече нарратора с персонажем, который репрезентируется формой 3-го лица, исключенной из пространства межличностной коммуникации нарратора. В этой части повествования актуализируется мотив воспоминания. Введенная в эту часть ретроспективная вставка, относящаяся к внесюжетному времени, представлена предложением, в котором *бывало* сочетается с глаголами будущего и настоящего времени. При этом маркируются разные временные планы – ретроспекция в ретроспекции: *Я остановил его: лекарь запретил ему разговаривать. Я знал, чем ему угодить. Сорокумов никогда, как говорится, не «следил» за наукой, но любопытствовал знать, что, дескать, до чего дошли теперь великие умы? Бывало, поймает товарища где-нибудь в углу и начнет его расспрашивать: слушает, удивляется, верит ему на слово и уж так потом за ним и повторяет. Особенно немецкая философия его сильно занимала. Я начал толковать ему о Гегеле.*

Таким образом, в произведениях И.С. Тургенева конструкции с *бывало* являются полифункциональными: их общие текстовые функции обусловлены семантикой частицы, частные – художественно-эстетическими интенциями ав-

тора и нарративными стратегиями, необходимыми для их реализации. При этом в рамках одного произведения конструкции, включающие частицу *бывало* в сочетании с формами прошедшего времени глагола, с одной стороны, и с формами настоящего и будущего времени – с другой, могут участвовать в разграничении повествования первичного и вторичного/третьего нарраторов, разных временных планов, а также маркировать степень вовлеченности объекта повествования в субъектную сферу нарраторов.

Примечания

1. В рамках данной статьи мы не останавливаемся на проблеме квалификации форм типа *пойдешь* (настоящее совершенное, настоящее-будущее совершенное, будущее простое), подробно рассмотренной в [Бондарко, 2005: 262–265].

2. Здесь и далее цитируется по [10].

3. Об итеративных обстоятельствах см. подробнее в [13, с. 220].

4. О сочетаемости *бывало* в разные периоды времени см.: [5, 8].

Список литературы

1. Патронева Н.В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 334 с.
2. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
3. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. I. 784 с.
4. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.

К.С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1991. Т. I. 864 с.

5. Сичинава Д.В. Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII в. // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 257–284.

6. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2005. 621 с.

7. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 288 с.

8. Сичинава Д.В. Частицы *было* и *бывало*: русские «вторичные модификаторы» в свете типологии и диахронии // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов). СПб.: Алетей, 2013. С. 175–194.

9. Розенталь Д.Э. Пунктуация и управление в русском языке. М.: Книга, 1988. 544 с.

10. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. IV-VI.

11. Николина Н.А. Категория времени в художественной речи. М.: Прометей, 2004. 276 с.

12. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта: Наука, 2002. 244 с.

13. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.

14. Потегня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II: Глагол. М.: Просвещение, 1977. 406 с.

15. Бондарко А.В. К вопросу о «транспозиции» (Употребление прошедшего времени глагола в современном русском языке для обозначения абстрактного настоящего) // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Л., 1963. Т. 248. С. 51–60.

TEXT FUNCTIONS OF THE CONSTRUCTION WITH *БЫВАЛО* IN I.S. TURGENEV'S PROSE

E.N. Shirokova

The paper describes the functions of the constructions with *бывало* in the prose works by I.S. Turgenev. The methods of comparative, stylistic and contextual analysis are used. It is shown that the semantics of the particle *бывало* and its syntactic function determine the text functions of the constructions under analysis (the subjectification of the narration, the representation of subjective time, the organization of the interlocutor monologues). It is proved that the interaction of the constructions with *бывало* and verb forms of past tense or verb forms of the present and future tenses in the framework of one piece is of great significance and is conditioned by the author's narrative strategies. It is noted that the analyzed constructions participate in the design of narratives of the primary narrator and the narrator-character, time plans of the narrative, text fragments with different author's modality.

Keywords: the particle *бывало*, verb tense forms, text functions, narrator, fictional time, I.S. Turgenev.

References

1. Patroneva N.V. Poetic syntax: the category of complications. Petrozavodsk: Publishing House of PetrSU, 2002. 334 p.
2. Schmid V. Narratology. 2nd ed., ispr. and add. M.: Languages of Slavic culture, 2008. 304 p.
3. Russian grammar. M.: Science, 1980. V. I. 784 p.
4. Dictionary of modern Russian literary language: In 20 volumes / USSR Academy of Sciences. Institute of

the Russian Language; Main ed. K.S. Gorbachevich. 2nd ed., reprint. and additional M.: Russian language, 1991. Vol. 1. 864 p.

5. Sichinava D.V. Particles *were* and *have been* in the Russian language of the XVIII century // Russian language in scientific enlightenment. 2012. № 2 (24). P. 257–284.

6. Bondarko A.V. Theory of morphological categories and aspectological studies. M.: Languages of Slavic culture, 2005. 621 p.

7. Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis. L.: Science, 1987. 288 p.
8. Sichinava D.V. Particles *were* and *have been*: Russian «secondary modifiers» in the light of typology and diachrony // Studies on the typology of Slavic, Baltic and Balkan languages (mainly in the light of language contacts). St. Petersburg: Aleteya, 2013. P. 175–194.
9. Rosenthal D.E. Punctuation and management in the Russian language. M.: Book, 1988. 544 p.
10. Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in twenty-eight volumes. M.–L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. Vol. IV–VI.
11. Nikolina N.A. The category of time in artistic speech. M.: Prometheus, 2004. 276 p.
12. Nikolina N.A. Poetics of Russian autobiographical prose. Moscow: Flint: Nauka, 2002. 244 p.
13. Theory of functional grammar: Temporality. Modality. L.: Science, 1990. 264 p.
14. Potebnaya A.A. From notes on Russian grammar. Vol. IV. Issue II: Verb. M.: Enlightenment, 1977. 406 p.
15. Bondarko A.V. On the question of «transposition» (The use of the past tense of the verb in modern Russian to denote the abstract present) // Scientific notes Leningr. State Pedagogical Institute named after A.I. Herzen. L., 1963. Vol. 248. P. 51–60.